

И. М. Дьяконов

О ПРАРОДИНЕ НОСИТЕЛЕЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ДИАЛЕКТОВ. II

3. ПРАРОДИНА И МИГРАЦИИ

В последней своей статье Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов пишут* (М., с. 11): «Историческое распределение и пути переселения таких основных древних индоевропейских этнических групп, которые первыми выступают в древних письменных памятниках, — хетто-лувийцев, индоиранцев, греков (крито-микенских греков и Ахиявы хеттских источников), можно легче объяснить при допущении территории индоевропейской прародины, совпадающей пространственно с областью в пределах Восточной Анатолии [= Армянского нагорья. — *И. Д.*], Южного Кавказа и Северной Месопотамии V—IV тыс. до н. э. Для определения путей их переселения в исторические места жительства не нужно в таком случае предполагать, что они покрыли огромные расстояния, двигаясь из области своего первоначального расселения. Достаточно допустить лишь небольшие смещения по отношению к этой области. Примечательно, что диалекты, которые предполагают минимальное смещение относительно этого ареала, являются древнейшими документально фиксированными индоевропейскими языками».

С нашей точки зрения, это рассуждение содержит несколько логических ошибок. Не всякое легкое объяснение исторически правильно. Во-первых, фиксировать древние языки в III—II тыс. до н. э. можно было вообще только там, где существовала письменность, а она в это время существовала только в Передней Азии и Эгеиде. Если столь же древние индоевропейские языки существовали где-либо в другом месте, то их и нельзя было письменно фиксировать; но отсюда еще никак не следует, что их не существовало также в регионах, где письменности не было. Во-вторых, выдвигаемое авторами положение: чем ближе индоевропейский диалект к [предполагаемой!] прародине индоевропейцев, тем он древнее, не может быть применен к армянскому языку, который, по мнению авторов, вообще практически не двигался, но который тем не менее весьма далеко отстоит от праиндоевропейского. Естественно, что в III—II тыс. до н. э. языки фиксировались в той же форме, которую они имели четыре-пять тысяч лет назад, но это не значит, что там, где языки невозможно было фиксировать, они не могли существовать в столь же архаических формах, а не

* Ниже используются следующие обозначения: Д — Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным. — ВДИ 1980, 3; М — они же. Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии. — ВДИ 1981, 2.

в тех, в которых они в силу исторических обстоятельств были там зафиксированы тысячами позже. И в-третьих (и это самое главное): предположение о переднеазиатской прародине действительно освобождает от поисков длинных путей перемещения для языков, зафиксированных в III—II тыс. до н. э. в Малой Азии и Эгеиде, но зато это же самое предположение намного удлиняет пути передвижения для остальных индоевропейских языков.

В самом деле, допустим, что центр ядра ареала общеиндоевропейского языка находился между Карпатами и Балканами, скажем, у дунайских Железных ворот (44°40' сев. широты, 22°30' вост. долготы), — мы не утверждаем этого, а только приводим как возможный пример. Тогда путь греков до Эгеиды составит 750 км, путь хетто-лувийцев до Малой Азии — 1000 км, путь протоармян до Евфрата — 1500 км, путь италиков — около 1200 км, путь кельтов до Богемии, где они известны в I тыс. до н. э., — 750 км, а до центра Галлии — 1300 км, путь германцев до, скажем, Дании — 1300 км, путь балтов до Немана — 900 км. При этом мы каждый раз отсчитывали расстояние от центра ареала, а не от периферии, что было бы правильнее: путь племен — носителей хетто-лувийского и протоармянского — языков, вероятно, периферийных — в таком случае сократился бы до 500—900 км. Длинным оказывается лишь путь индоиранцев (до Гиндукуша, считая, — а это вероятно, — что они непрерывно двигались по лесостепной зоне — 6500 км) и тохаров (6000 км до Восточного Туркестана, где они, впрочем, обнаруживаются лишь многими тысячами позже всех остальных групп индоевропейцев, поэтому данные несравнимы).

Между тем, по гипотезе Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, только для хетто-лувийцев и протоармян путь оказывается, действительно, ничтожным. Уже для греков он значительно длиннее, а главное, сопряжен с гораздо большими трудностями, чем в нашей схеме. Зато для «европейских» носителей индоевропейских языков путь оказывается гораздо длиннее. По мнению авторов, они шли через Среднюю Азию, Южный Урал и Поволжье и оттуда прямо на запад. Каким путем их вести через Среднюю Азию — неясно; по дороге они дарят тюркам слово «осина» (М., с. 26) и доносят до Европы названия «лосося» (якобы с Аральского моря, см. выше), «березы» и «бука» (ср. Д., с. 8). Между тем бук по всему предполагаемому пути древних европейцев вообще не растет, осины нет нигде от Понтийского Тавра на севере Малой Азии до Киргизии, а береза, как уже указывалось, растет только по предгорьям на востоке региона, до которых от предполагаемой прародины древних индоевропейцев в Южном Закавказье и на Армянском нагорье еще надо было бы добираться через пространство около 2000 км¹. Для «древних европейцев» надо предположить движение через лесостепную и широколиственную зону (как мы предположили выше для индоиранцев). Иначе не были бы возможны контакты с тюрками, кетами и финно-уграми, на которых базируется в этой части гипотеза Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Тогда это составит примерно 8500 км для балтов, 9500 км для германцев, 9000—10 000 км для кельтов, 11 000 км для италиков (причем последние тем не менее сохранили ряд важных изоглосс с греками, шедшими якобы в противоположном направлении).

Как же, по авторам, располагались носители индоевропейских диалектов на своей предполагаемой прародине? Ведь они не составляли однородной массы: авторы считают, что такие черты, как сохранение 1-го состояния (по схеме Б) в одних диалектах и озвончение I ряда взрывных в других диалектах, как «склеивание» палатализованного с непалатализован-

¹ См. Соколов С. И., Связева О. А., Кубли В. А. Ареалы деревьев и кустарников СССР. Т. 1, с. 84 сл., 89 сл., 114, и том карт, карты 65, 71—74 и 83 А.

ным рядом заднеязычных взрывных в одних диалектах и сатемизация и утеря огубления в других, — все это относится еще к пребыванию носителей индоевропейских диалектов на их прародине; допустить иное, например, что все это вторичные изоглоссы, — значит обрушить всю стройную гипотетическую картину круговой миграции вокруг Кавказа, по которой диалекты с одинаковыми вышеупомянутыми признаками будто бы двигались в разные стороны, а диалекты с разными признаками — в одну. Авторы ничего определенного не говорят о размещении прадиалектов на прародине, и приходится строить косвенные выводы из того, что все же сказано. Хетто-лувийцы, очевидно, были периферийной группой и с Армянского нагорья передвигались только через Верхний Евфрат в Малую Азию (здесь они должны были как субстрат найти протоармян, которые потом тоже только передвинулись через Верхний Евфрат, но в обратном направлении; но такой субстрат авторы, как кажется, не имеют в виду). Таким образом, другие праиндоевропейские диалекты, поскольку они не пришли с Балкан, должны были располагаться восточнее. Кто же именно соседил с носителями хетто-лувийских диалектов с востока? Авторы, кажется, связывают хетто-лувийский преимущественно с «европейской» группой, хотя она отделилась и «ушла» раньше других и несколько иным путем. Судя по отражению и.-е. *k', *t' в пракартвельском как *g, *d, озвончение l ряда взрывных должно было произойти все еще на индоевропейской прародине (авторы не допускают передвижения носителей картвельских диалектов за пределы зоны Малая Азия — Большой Кавказ), но лишь в части диалектов. Авторы признают также реальность восточно-индоевропейской лингвистической группы, куда, однако, входили греческий, протоармянский, палеобалканские и индоиранские языки, каждому из которых авторы тем не менее приписывают совершенно различный миграционный маршрут. Однако общий восточноиндоевропейский ареал должен же был где-то существовать. Сатемизация в ряде прадиалектов тоже произошла, по авторам, где-то на переднеазиатской прародине, потому что индоиранская сатемная «лошадь» aśva- успела попасть к хурритам и даже еще в IV—III тыс. до н. э. к шумерам в странном виде si-si. Но, впрочем, Армянское нагорье не позже III тыс. до н. э., как видно, было занято хуррито-урартами, ибо из малоазийского ареала «протоармяне в дальнейшем распространяются в историческую Армению <...>, наслаиваясь на хуррито-урартский субстрат» (М., с. 18). К этому времени, стало быть, носители индоевропейских диалектов уже куда-то ушли с Армянского нагорья, где и в самом деле хуррито-урарты несомненно были не позже как с III тыс. до н. э. Очевидно, занятие этого нагорья хуррито-урартами именно и связано с уходом оттуда праиндоевропейцев? Поскольку авторы предполагают, что индоиранцы занимали север Ирана еще в III—II тыс., то, видимо, рисуется такая картина: сначала с прародины ушли носители будущих «европейских» диалектов, и их место было занято носителями индоиранских диалектов; затем те были вытеснены хуррито-урартами на восток, в Иранский Азербайджан. Оставшиеся же в Малой Азии носители протоармянского затем перешли Евфрат и начали в свою очередь вытеснение хуррито-урартского на Армянском нагорье. Если это так (может быть, у авторов есть иная реконструкция, но нам она не сообщается), то возникает ряд вопросов, на которые я не вижу ответов в рамках гипотезы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Если важнейшие отличительные признаки отдельных групп индоевропейских языков сложились еще на переднеазиатской прародине, то каким образом сложившиеся там изоглоссы и, наоборот, языковые различия могли быть сохранены при совместной миграции через тысячи километров? (Речь идет, скажем, о предполагающемся сохранении 1-го состояния у прагерманцев, шедших кружным путем вместе с испытанными совсем иное фонетическое развитие праиталиками и пракельтами, и т. п.) Откуда пришли носители хуррито-урартского? Этот язык, видимо, принадлежит к северокавказской семье

языков ², и, стало быть, должен был где-то существовать общий хуррито-урартско-дагестанский ареал. Где же кроме Закавказья?

Но и хатты, судя по новейшим исследованиям самого Вяч. Вс. Иванова, принадлежали к носителям северокавказских языков, стало быть, и для хаттско-абхазо-адыгских контактов надо отвести место где-то в Закавказье. Но и пракартвелы к III тыс. до н. э. не находились в Малой Азии, значит, и они были в Закавказье. Для обширной зоны праиндоевропейских диалектов места вроде бы и не остается. Если хуррито-урарты заняли Армянское нагорье, вытеснив оттуда то ли пра-«европейские», то ли индоиранские диалекты, то где следы соответствующего субстрата в языке хурритов и урартов, в топонимике, в гидронимике? Если носители протоармянского изначально жили на востоке Малой Азии, т. е. практически в той же экологической среде, что и армяне Средневековья и Нового времени, и в той же социальной среде, что и хуррито-урарты древности, то почему им пришлось заимствовать из хуррито-урартского практически все термины для местной флоры и социальных особенностей горных общин? Это естественно, если носители протоармянского шли издалека и внезапно появились в данной среде; это невозможно, если они жили тут же искони. Если носители протоармянского жили изначально на востоке Малой Азии, почему нет никаких следов их в хеттской письменности и особенно в топонимах, которые в ней широко представлены? (Пресловутых хайасцев и авторы не решаются принять за протоармян.) Где сложилась поразительная близость фонетических систем палеобалканских и протоармянского языков? Тоже еще на прародине? Почему не повлияла на эти языки их тысячелетняя «разлука»?

Из статьи авторов мы узнаем, что греки (после озвончения I ряда?) ушли на запад, пробившись сквозь оседлую массу хетто-лувийцев; и туда же, по-видимому (М., с. 17), ушли носители палеобалканских языков, так и не испытав озвончения I ряда (фригийцы впоследствии целиком, а фракийцы частично вернулись в Малую Азию). Далее мы узнаем, что протоармяне — автохтоны индоевропейской прародины; они никуда не уходили, а только передвинулись через Евфрат на юго-восток. Мы узнаем, что сначала прототохары, а затем предки носителей «европейских» диалектов индоевропейской семьи ушли в Среднюю Азию, причем последние чрезвычайно замысловатым путем проследовали кругом Арала и Каспия в Европу. Наконец, мы узнаем, что индоиранцы ушли из Северного Ирана на Восток, причем кафиры осели в Гиндукуше, арии ушли в Индию, западные иранцы распространились на весь Иран, а восточные иранцы в качестве третьей группы после прототохаров и праевропейцев проделали путь через Среднюю Азию, Южный Урал, Поволжье и заняли степи Украины и Казахстана. Что толкало в Среднюю Азию последовательно три большие группы племен — не объясняется.

Наиболее странным в этой картине является прохождение одних племен сквозь другие. Так, греки, фракийцы и фригийцы пробились сквозь толщу хетто-лувийцев в Малой Азии, не повредив слагавшейся хетто-лувийской культуры, а тохары, похоже, точно так же пробились сквозь толщу будущих индоиранских племен, которые с IV по II тыс. до н. э. так и сидели на Армянском нагорье и в Северном Иране, даря ближним и дальним соседям свое сатемное название уже будто бы там известной лошади. Затем, вероятно, сквозь индоиранцев должны были пройти и пра-«европейцы» по пути на восток, поскольку ранее они контактировали с хетто-лувийцами, оставшимися на западе. Хорошо было бы все это увязать с географией края.

Весьма неясна и судьба иранских диалектов. Казалось бы, если восточные иранцы так сильно оторвались от своих сородичей, имея совершенно

² Дьяконов И. М. Хуррито-урартский и северо-восточнокавказские языки. — В сб.: Древний Восток, III. Ереван, 1978, с. 25—38.

другую историческую судьбу, то и их диалекты должны были сильнее всего отличаться от других индоиранских. На самом деле еще в I тыс. до н. э. язык скифов Украины был в пределах взаимопонимания для древних мидян³. Главной «лакмусовой бумажкой», отличающей иранские языки от кафирских и индоарийских, является переход *s- > иран. h-. Однако такие слова, как *asuga «господин», *sarta «семерица, неделя», *sasar «сестра», авторы считают заимствованными в финно-угорские из восточноиранского (а не из индоарийского или из неразделенного индоиранского диалекта: ведь допустить это — значило бы признать, что все индоиранцы мигрировали с запада на восток через лесостепи Евразии). Но тогда выходит, что восточные иранцы потеряли контакт с западными до перехода *s- > h-, а затем у тех и у других это фонетическое явление (и множество других, связывающих восточных иранцев с западными) развилось в разных местах совершенно независимо. Разве этот переход — не типичная инновационная изоглосса, предполагающая ход фонетического процесса на едином сомкнутом ареале?⁴

Попробуем посмотреть на проблему индоевропейских миграций глазами историка. Отчего происходит переселение народов? Здесь надо различать две вещи: переселение кочевников (и других племен, срываемых с места волной кочевнических переселений) и прочие переселения. Кочевниками праиндоевропейцы не были: против этого говорит развитая земледельческая и социальная терминология в праязыке; против этого говорит и история: кочевничество — это подвижное скотоводство, предполагающее регулярную смену пастбищ на больших территориях, либо совсем без земледелия (продукты земледелия покупаются или похищаются), либо только с подсобным, малоразвитым. Кочевничество предполагает верховое сопровождение стад — на лошадях или на верблюдах. Заметим, что колесницы для сопровождения стад непригодны: их ограничивают пересеченная местность и необходимость иметь весьма специализированных ремесленников⁵. Передняя Азия не знала настоящего кочевничества до последних веков II тыс. до н. э.: еще библейские семиты передвигаются по пустыне пешком или на ослах; налеты верблюжьих и конных отрядов зарегистрированы лишь с XII в. до н. э. Амореи и другие бродячие скотоводы не кочевали: они не могли отходить от источников воды далее чем на 1—2 дневных перехода и всегда были полужемледельцами. Также и в Средней Азии и в степной полосе европейской части СССР кочевничества не было до II тыс. до н. э.

Что же касается подлинных земледельцев, то они вообще неохотно покидают свою землю, с которой чувствуют себя кровно и сакрально свя-

³ См. об этом Дьяконов И. М. История Мидии. М.—Л., 1956, с. 290—291. Ср. также древнескифскую лексику, реконструируемую В. И. Абаевым в его книге «Осетинский язык и фольклор», I. М., 1949, с древнеиранской лексикой по словарю Бартоломэ (*Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg, 1904).

⁴ О протоиндоиранской лексике в финно-угорских языках см. статьи Я. Харматты и В. И. Абаева в кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 75—89. В своих выводах Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов ближе к Я. Харматте, чья периодизация индоиранских заимствований базируется, однако, на во многом не доказанной периодизации фонетических изменений. Гораздо ближе к истине В. И. Абаев, который, с моей точки зрения, справедливо считает спорные глоссы заимствованными либо из общеиндоиранского, либо из индоарийского, но не из иранского. См. Абаев В. И. Доистория индоиранцев в свете арио-уральских языковых контактов. — Ук. сб., с. 84—89.

⁵ Поэтому весьма неудачно сопоставление авторами предполагаемых ими индоевропейских миграций через Среднюю Азию со скифскими набегами (М., с. 25). Как мне неоднократно приходилось указывать, скифские набеги совершались одними мужчинами, без женщин. Поэтому скифы и им подобные племена либо возвращались после набега на родину, либо без следа рассасывались среди жителей страны, куда они вторглись. (Аналогия — морские набеги викингов в раннем Средневековье.) См. Дьяконов И. М. К методике исследований по этнической истории («Киммерийцы»). — В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981, с. 99 и др.

занными. Бывали насильственные переселения земледельцев, но они начались только с созданием империй в конце II — начале I тыс. до н. э. А помимо этого было только распространение популяции из ее центрального ареала как результат перенаселения. Это предполагает исторически необычный рост популяции. За исключением отдельных благоприятных для человечества эпох, в течение почти всей его истории выживаемость детей держалась, по-видимому, на среднем уровне — 2—3 ребенка на каждую женщину, что означает не более чем стабильное поддержание одной и той же численности народонаселения. В городских цивилизациях с их скученными центрами фактором, ограничивающим число детей, были, вероятно, эпидемии, а в доисторическую эпоху — прежде всего голод (который имел, вероятно, немаловажное значение и в эпоху ранних цивилизаций). Поэтому необычный рост народонаселения может быть связан только с необычным процентом выживания детей и поэтому с ростом производства пищевых продуктов, особенно таких высококалорийных, как мясо, молочные продукты, овощи, пшеница и т. п. Стоит упомянуть, что в цивилизованной Месопотамии III—II тыс. до н. э. основной пищей были ячмень (до 1,5 л в день на взрослого мужчину) ⁶ и чеснок, а молока не пили и баранину ели только во время жертвоприношения в праздник. Не благоприятствовал росту населения и быт переднеазиатских полубродячих скотоводов: коров они не разводили вовсе, а овцы были тощие и давали очень мало шерсти и еще меньше молока (характерно, что нет не только общеафразийских, но и общесемитских терминов для понятий «доить» и «молоко»). Нет сомнения, что эти племена жили впроголодь.

Центральная Малая Азия в период неолитических климатических оптимумов (~ 8000—5000 и 4000—2500 гг. до н. э.) имела благоприятные условия не только для земледелия (которое и возникло во время первого оптимума здесь, а также в предгорных районах Сирии — Палестины, Армянского нагорья и Загроса), но и для разведения крупного рогатого скота; здесь вполне мог быть один из центров того расселения земледельцев, которое наблюдается по всей Передней Азии в течение неолита. Расселение происходило, разумеется, в районы с климатом, приближающимся к родному, и лишь развитие ирригации позволило заселить такие негостеприимные районы, как Нижняя Месопотамия или Нильская Дельта. Нам кое-что — немного — известно о языковом составе расселившейся популяции, но можно сказать с уверенностью, что носители индоевропейских языков не оставили здесь ни малейшего следа ⁷.

Расселение из Малой Азии могло происходить и на Балканы. Здесь, в широколиственных лесах Балкан и Подунавья, нынешней Венгрии и Чехии, в эпоху неолита также сложилась весьма благоприятная климатическая и экологическая обстановка. Земледелие здесь возникло несколько позже, чем в Малой Азии (в VII тыс. до н. э. в Македонии, в V — на остальном ареале), а затем все большую роль начинает играть разведение рогатого скота, лошадей, свиней. Здесь создается однородная зона высококоразвитых неолитических, а затем неолитических культур («дунайские культуры», по Г. Чайльду). И этот регион также мог быть центром распространения популяции в результате роста народонаселения.

⁶ См. *Козырева Н. В.* Нормы потребления в старовавилонской Месопотамии. — ВДИ, 1972, № 2, с. 94—99; *Gelb I. J.* The Ancient Mesopotamian Ration System. — JNES, 1965, XXIV, 3, p. 230—243. Дети получали обычно 0,5 л ячменя в день.

⁷ См.: Языки Азии и Африки, III. М., 1979, с. 18, 50; *Falkenstein A.* Das Sumerische. — In: *Handbuch der Orientalistik*, I. Abt. 1—2. Abschn., Lief. 1. Lieden, 1959; а также книгу: *Salonen A.* Zum Aufbau der Substrate im Sumerischen. Helsinki, 1968, содержащую, однако, много неоправданных этимологий; о кутийском языковом субстрате в Северо-Восточном Иране см. *Дьяконов.* История Мидии, с. 109, 119. Тот же субстрат, что и в Шумере, обнаруживает анализ собственных имен Гасура (городище Иорган-тепе, позже Нузи), см. *Diakonoff I. M.* Hurrisch und Urartäisch. München, 1971, S. 6, Anm. 2.

Но могло ли быть таким центром Армянское нагорье и Южное Закавказье? По южной окраине Армянского Тавра земледелие было, вероятно, известно с докерамического неолита, но само нагорье представляет собой лабиринт изолированных, плохо сообщающихся между собой горных долин: склоны были сплошь покрыты лесом, непригодным для пастьбы скота, пока не началась его массовая вырубка в эпоху средней бронзы (II тыс. до н. э.). Довольно сходную картину являла собой и большая часть Южного Закавказья, где земледелие возникло примерно в V тыс. до н. э. Анализ костных остатков на Коруджу-тепе (Армянское нагорье) показывает отсутствие лошади и преобладание коз и овец в IV и III тыс. до н. э. Лошадь (только как животное для военных нужд) появляется во II тыс. до н. э.; соотношение овец, коров и (в небольшом числе) свиней остается при этом почти прежним, но общее количество скота возрастает по сравнению с IV тыс. раз в десять. Только в это время, уже в эпоху расцвета хурритской культуры, происходит и значительный рост населения (примерно в 2-3 раза). Если даже отнести к предполагаемому ареалу индоевропейской прародине также и Верхнюю Месопотамию, то из нее не могло происходить расселения в горы, малоудобные для земледелия и крупного скотоводства, и исторически массовые миграции населения в этом направлении (как, впрочем, и с Армянского нагорья и из Южного Закавказья на восток) неизвестны.

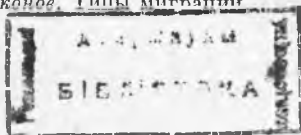
Верхняя Месопотамия не входила в одну экологическую зону с Армянским нагорьем и Северным Ираном. И во всех этих четырех областях обстановка была малоподходящей для возникновения ареала повышенного роста народонаселения и центра распространения популяции в разные стороны.

Рисуя свои картины миграции, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов не задумываются над простейшими, казалось бы, историческими вопросами, например: Что представляли собой эти миграции? Переселение народов с детьми, женами, обозами и имуществом? Как кормили скот по дороге? Было ли это переселение военным или мирным? Что и кого встречали переселенцы — пустое пространство или другие народы? Оказывали ли эти народы сопротивление переселенцам? Что с ними стало дальше? Их вырезали? Или увлекли за собой? Как они повлияли на нравы и язык переселенцев, на характер их диалектного членения? Прежде всего — чем было вызвано это передвижение, или, вернее, чем были последовательно вызываемы эти неоднократные передвижения? Все эти вопросы даже не ставятся. Когда говорят о миграции, всегда невольно имеют перед глазами «Великое переселение народов» в середине I тыс. н. э., приведшее к падению Римской империи. Но если у кого-либо возникает такая аналогия, то они допускают весьма значительный анахронизм⁸.

С нашей точки зрения, никакого переселения как такового в V—III тыс. до н. э. не было. Было постепенное р а с т е к а н и е из единого центра во все стороны. Поэтому в ходе расселения и сохранялись (в основном) раз сложившиеся группировки диалектов и отдельные изоглоссы. Расселяющиеся племена встречали местное, как правило, более редкое, бедное и голодное население, нередко состоявшее из охотников и бродячих скотоводов. Переселенцы сливались с местными жителями, передавали им свой язык и культурные достижения. Но местное население могло по численности и превышать переселенцев. В ряде исторических ситуаций (о чем я уже писал в другом месте)⁹ в качестве *lingua franca*, а затем и общего языка нередко воспринимается и язык меньшинства, если он широко распространен и понятен на обширной территории, особенно язык скотоводов (ср. примеры семитов, тюрков). Ареал сложившейся новой популяции сам становился центром для растекания языка и т. д. Где-то мог-

⁸ См. Дьяконов И. М. Типы миграций в ранней древности. — В сб.: Древний Восток, IV, Ереван, 1982 (в печати).

⁹ Дьяконов, Типы миграций

ли быть и кровавые завоевания, где-то обходилось без них, — но важно ясно отдавать себе отчет в том, что мигрировали языки, а не народы, хотя для каждого мигрирующего языка должна была быть хотя бы горстка носителей, — впрочем, не обязательно первоначальных.

Как соотносится миграция языков с продвижением популяций прекрасно показал Л. В. Ошанин в своем классическом труде¹⁰ на примере тюрков: антропологические исследования показывают, что в составе азербайджанского и туркменского народа остался ничтожный процент генов, которые несли в себе тюрки, впервые двигаясь из Центральной Азии. То же ясно и для афразийской семьи языков, ибо как иначе объяснить, что на них говорят представители четырех антропологических рас, в том числе двух белых и двух черных. То же ясно и для носителей индоевропейских языков. На одном конце современного индоевропейского ареала живут голубоглазые скандинавы и балты, на другом — черноглазые, черноволосые и чернокожие сингалыцы Шри Ланки. Известно, что черноглазость — доминантный признак, а голубоглазость — рецессивный. Население Армении, Малой Азии, Южного Закавказья и Иранского Азербайджана со времени неолита принадлежало к балкано-кавказской или средиземноморской малой расе европеоидов¹¹, а стало быть, было черноглазым уже в глубокой древности. Если это население именно *само* бы передвигалось вместе с языками, то из него не могли бы образоваться голубоглазые балты. Как рецессивный признак голубоглазость встречается от Европы вплоть до Гиндукуша. Но нормально не может быть голубоглазым человек, у которого хотя бы один родитель никогда не имел голубоглазых предков, и при преобладающей кареглазости предков не может образоваться преобладающе голубоглазая популяция. Сложившуюся среди носителей современных индоевропейских языков биологическую ситуацию может объяснить лишь передача языков по эстафете, но не миграция самих племен по всему многотысячекилометровому пути, независимо от того, откуда вести миграцию — с Балкан или с Кавказа. И при этом миграции из Передней Азии такого масштаба, который рисуется Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванову, должны были бы оставить след в виде сильной антропологической примеси балкано-кавказской (переднеазиатской, арменоидной) малой расы по крайней мере в ближайших частях миграционного пути, чего мы не наблюдаем (см. цитированную книгу Л. В. Ошанина).

Передача языков по эстафете именно и означает постепенное растекание носителей от первоначального ареала (не обязательно изнутри него!). А такое растекание может иметь только одну причину: рост населения в необычайно (для древности) благоприятных экологических условиях. Такие условия я вижу в Малой Азии VIII—VI тыс. до н. э., такие условия я вижу в Балкано-Дунайской зоне V—IV тыс. до н. э., но я их не вижу в зоне и в эпоху, предлагаемые Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым. Я готов видеть прапраиндоевропейско-картвельскую общность в Центральной Малой Азии времени Чатал-Хююка¹², я почти уверен, что индоевропейская прародина находилась между Балканами и Карпатами в V—IV тыс. до н. э., но гипотеза Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова в ее настоящем виде меня не убеждает нисколько.

Однако, может быть, мотивируя свою гипотезу о круглом пути «европейцев» в Европу из Малой Азии, авторы привели неопровержимые линг-

¹⁰ Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. 1—3. Ереван, 1957—1959. См. сравнительные таблицы в гл. II части 1, особенно наиболее показательную таблицу (4) распространения эпикантуса («монгольской складки») на с. 61; о палеоантропологических данных см. часть 2; специально о туркменах — часть 3, гл. V; о соотношении расовых и лингвистических признаков см. часть 1, с. 34 сл. (об азербайджанцах — с. 36, 113, 117—118).

¹¹ Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов ошибочно принимают балкано-кавказскую и средиземноморскую малые расы за одну, см. М., с. 32.

¹² Однако необязательно: меня смущает отражение и.-е. *k', *t' по схеме (Б/В) как g, d в пракартвельском.

вистические доказательства? И этого я не вижу. Остановлюсь только на наиболее ярких примерах.

1. Миграция греков (М., с. 14): в Бейдже-Султане, на северо-западе Малой Азии, на рубеже III и II тыс. до н. э. появляется серая «минийская» керамика того типа, который около 1900 г. до н. э. становится преобладающим в Греции. Эту керамику, по авторам, предположительно создали греки (кроме дорийцев, которые отдельно ушли, не оставив следов, на Балканы) или, «возможно, другие группы индоевропейцев, направлявшихся с востока на запад» (судя по М., с. 17, это македонцы, фракийцы, фригийцы, протоалбанцы, — но что заставляет связывать их с серой керамикой?). Керамика бывает серой от характера глины и ее обжига; уже давно серую керамику пытаются связывать с индоевропейцами (ср. М., с. 19 об индоиранцах), однако более осторожные археологи такие отождествления отвергают: либо серая керамика должна быть однозначно и всегда связана *только* с индоевропейцами, либо цвет керамики ничего не говорит о языке гончаров. Далее, авторы считают, что гипотеза о приходе греков с востока через Малую Азию «ставит в новом свете и вопрос о греческих малоазиатских «колониях» и, в частности, проблему Милета» (с. 15). Сами греки считали их именно колониями, и нет причин ставить это слово в кавычки, тем более, что прибрежные поселения на крайнем западе Малой Азии дают только *позднемикенскую* керамику и явно датируются много позже создания микенской цивилизации в материковой Греции. Пилосские таблички, цитируемые авторами, относятся, как известно, к самому ее концу. Следует аргумент о стране Ahhiyawā, Ahhiyā, упоминаемой в хеттских источниках, которую авторы помещают в Малой Азии. Не секрет, что отождествление хетт. Ahhiyawā с греч. арх. Akhaiwoi «ахейцы» наталкивается на серьезные лингвистические трудности, а локализация Аххиявы остается спорной. Правда, и я считаю, что Аххиява — страна ахейских греков, имевшая владения (и?) в Малой Азии (Милет), но по иным соображениям¹³. Во всяком случае, Аххиява упоминается не ранее XIV в. до н. э. и к предполагаемым миграциям греков где-то в III тыс. до н. э. не должна иметь никакого отношения. Наконец, по авторам, есть значительное число слов, указывающих на языковые контакты между греками и хетто-лувийцами. Ничего удивительного — ведь в любом случае они были соседями во II и, может быть, в III тыс. до н. э. Возможно, древнейшие греки жилали и на западном побережье Малой Азии, а хетто-лувийцы — почти наверное на Эгейских островах. Из этого никакой миграции греков из Закавказья или Восточной Анатолии через Малую Азию в III тыс. до н. э. не получается. Такая миграция должна была бы вызвать хаос в предгородской цивилизации хаттов, хеттов и лувийцев — ср. обстоятельства действительного передвижения племен с Балкан, приведшего к уничтожению Хеттской державы и обезлюдению ее городов и деревень в конце II тыс. до н. э.

Не более весомы и мифологические доводы. В однотипном мифе бог неба *естественно* повсюду называется «Небом» — почему бы ему называться иначе? И представление о богах старшего поколения — универсальное; для того чтобы назвать их «прежними богами», не нужно особой изобретательности, вызывающей заимствование. И совсем уж невероятно сопоставление Полифема (злого великана) с... Гильгамешем (культурным героем). Шумерское имя исторического Гильгамеша — Bil(i)ga-meš «старший родич по отцу — почтенный муж»; в раннединастическом Шумере имена с элементом mes были довольно распространены. Слово poluphēmos существовало в греческом как нарицательное со вполне прозрачным значением «говорливый (хвостун), болтун» — его и этимологизировать не нужно. Авторы же выводят оба имени из некоего, прямо скажем, фантастического индоевропейского архетипа *bala-g^whato-, из которого ни

¹³ См. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1968, с. 107 сл.

то, ни другое имя никаким лингвистическим приемом получить невозможно¹⁴.

Дорийское нашествие не связано с движением «народов моря» — оно произошло позже.

2. Миграция протоармян (М., с. 18): по авторам, никакой миграции не было, они только переместились через Евфрат на Армянское нагорье. Этот тезис найдет — уже нашел — горячий отклик среди дилетантов, для кого народы великой древней хуррито-урартской цивилизации, хурриты и урарты, чьи гены хранят армяне, — не предки, и которым во что бы то ни стало нужно, чтобы население Армянского нагорья говорило по-армянски по возможности со времени палеолита: одни из парфянских имен собственных у Моисея Хоренского делают «чисто армянских» наместников в Урарту, другие заставляют «громadne массы» армян теснить «тонкий слой» хуррито-урартских захватчиков, не обращая внимания на то, что эти «громadne массы» ни в каких источниках не засвидетельствованы¹⁵ и что армянский народ образовался из *слияния* массы автохтонов — хурритов, лувийцев и урартов с немногочисленными носителями протоармянского диалекта¹⁶. Однако столь понравившийся дилетантам тезис автохтонности протоармянского языка *ничем* — буквально ничем — не подкреплен¹⁷. Отдельные хетто-лувизмы в армянском естественны: лувийцы были частью его субстрата, однако из приведенных авторами примеров три — заведомые парфянизмы (apašxarel, ašxar, spand), а четвертый, по-видимому, тоже иранизм (išxan < иран. *xšayāna-; не из хетт. iš₁a-, ибо s не дает в армянском š, кроме как в определенных позициях, а хетт. iš₁an — винительный падеж < iš₁aš; но слова в косвенном падеже, как правило, не заимствуются).

Далее авторы пишут (М., с. 18): «Особую проблему представляет вопрос о связи протоармян со страной Хайаса <...>, упоминаемой в хеттских источниках XIV—XIII вв. до н. э.». Этой особой проблеме автор настоящей статьи посвятил целую книгу¹⁸. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов знают ее, даже цитируют (М., прим. 38), но полемизировать с ней считают лишним. Они замечают лишь (М., с. 19): «Даже при допущении отсутствия каких-либо генетических связей между армянами и жителями страны Хайаса и соответственно их языками [а связей, действительно, никому еще не удалось показать. — И. Д.], можно считать вероятным нали-

¹⁴ Интересно, как авторы выводят шум. meš из и.-е. *g^hamo- — или они предполагают в нем индоевропейское окончание именительного падежа -s? На самом деле, конечно, это -s принадлежит корню mes!

¹⁵ См. статью: *Мнацаканян А.* Армянские наместники Армении в период владычества урартов и ассирийцев. — Вестник общественных наук АН АрмССР, 1981, № 2, с. 74—87, где босящие раннесредневековые парфянские имена персонажи, взятые из Моисея Хоренского, объявляются урартскими наместниками. Лицо с парфянским именем Паруйр фигурирует как армянин и в статье: *Хачатрян В.* Страна Хайк в составе Урарту. — Там же, 1980, № 6, с. 101—112. Автор бездоказательно объявляет страны Наири ассирийских источников II—I тыс. до н. э. населенными армянами (по языку) якобы с XXV в. до н. э., причем на с. 107 и в прим. 29 приписывает согласие с этой точки зрения... мне, а на с. 106, прим. 19, приписывает мне чужую статью, опубликованную в то время, когда мне было 16 лет! На с. 109—112 он на основании испытанного приема «сирены созвучия» толкует все собственные имена из Хайасы XIV в. до н. э., подобная похожие армянские слова в форме, которую они получили в Средневековье и в Новое время, — как будто до В. Хачатряна не существовало лингвистической науки! И все это на с. 112 увязывается с рассматриваемой работой Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова. Конечно, авторы не несут ответственности за злоупотребление их идеями, но стоило хотя бы отмежеваться от таких злоупотреблений, которые далеко не новы!

¹⁶ См. еще аналогичные дилетантские произведения О. О. Карагезяна (ИФЖ, 1981, № 1, с. 217—233) и М. А. Катваляна (Процесс образования первого единого государства на Армянском нагорье. Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Ереван, 1980); ср. *Айвазян С. М.* Расшифровка армянской клинописи. Ереван, 1963.

¹⁷ Хеттские источники дают полную картину топонимики Малой Азии с запада до Евфрата и за Евфратом, и где, с точки зрения авторов, среди них скрываются протоармяне — непонятно. Или это, по В. Хачатряну, Наири?

¹⁸ *Дьяконов.* Предыстория армянского народа.

чие таких взаимоотношений между этими этническими группировками, которые сделали возможным заимствование протоармянами названия *ha-* в качестве их этнонима». И все. Между тем мной была подробно показана ненадежность топонимов для реконструкции этнической истории народа и выведено происхождение этнонима *ha-* «армянин» из этнонима *Hatti*, *Hâte* с подробным объяснением тех «взаимоотношений между этими этническими группировками», которые делали возможным и почти неизбежным переход этого термина на протоармян.

3. Миграцию индоиранцев (М., с. 19 сл.) мы уже рассматривали выше. Отметим лишь противоречие: с одной стороны, сатемизация зашла уже в общеиндоиранском языке так далеко, что сатемные формы с $*k' >$ s могли заимствоваться уже в IV—III тыс. до н. э. хурритами и даже отдаленными шумерами, а с другой стороны, кафиры, отселяясь из общеиндоиранской прародины где-то в горах Иранского Азербайджана в сторону Гиндукуша, занесли туда все еще промежуточную форму между $*k'$ и s, а именно с («ц»). Затем в противоположность мнению авторов не было никакого митаннийского в качестве особого языка или даже группы в пределах индоиранской языковой ветви. Скорее всего, это был диалект еще не расчлененного индоиранского (он сохраняет начальное s- и числительное *aika* «один», характерное для индоарийских и кафирского, но, вероятно, и для некоторых иранских, ср. перс. *yaik*). Это вполне могли быть просто те племена, которым предстояло стать иранскими, но у которых в то время еще не произошло перехода $*s > h$ и других типично иранских изменений. Как показала А. Камменхубер¹⁹, этот язык не был распространен в Митанни, т. е. в Северной Месопотамии (вероятно, на нем говорили в Иранском Азербайджане). Домыслы о связи этих индоиранцев II тыс. до н. э. с археологической культурой Майкопа IV тыс. до н. э. ни на чем не основаны. Далее, нельзя пользоваться словом для понукания — груз. *аси* и образованным от него *пяньями* (ибо именно мамы и няньки создают слой так называемых «детских», или «лепетных», слов) груз. *асиа* «лошадка» для выводов о контакте древних картвелов с индоиранцами — как и из соответствующего русского «тпру» ровно ничего не выведешь; точно так же нельзя использовать картв. *q̄q̄* «глотка», так как это звукоподражание, а следовательно, интернациональное образование. Что касается слов северокавказских, то осторожнее было бы подождать до выхода в свет подготовляемого историко-этимологического словаря этих языков.

Пример др. иран. (авест.) *paucva* «вперед; юг», др. инд. *pūcva* «передний, восток» вполне соответствует традиционному мнению о том, что древнеиранские языки пришли с севера (из Средней Азии), а индоарийские — с запада (из Афганистана), и говорит против миграционных гипотез авторов. О том, что финно-угорские языки имеют явный слой заимствований либо из индоарийского, либо скорее из неразделившегося индоиранского ($*asura$, $*sapta$), уже говорилось. Вероятно, правильны примеры заимствований в финно-угорские из тохарского, хотя и здесь есть некоторые неясности. И еще: если после многих поколений странствования среди суши индоарийцы вышли к морю и назвали его *salila* «соленый», то маловероятно, чтобы они к этому времени уже утеряли и.-е. *sal* «соль»; скорее, они потеряли его уже позже, в самой Индии.

4. Миграция «европейцев» (М., с. 26 сл.). Многочисленные примеры заимствований из западноиндоевропейских языков в алтайские, енисейские (и обратно), в китайский и т. п. производят на меня впечатление изолированных совпадений, не дающих ни ясной картины фонетических рефлексов, ни ясной картины семантического выбора занимаемых лексем. Почему после всего того, что говорилось об исключительном значении коня у индоевропейцев, понадобилось дополнительно заимствовать

¹⁹ Kammenhuber A. *Hippologia hethitica*. Wiesbaden, 1961; cp. Anm. 53, 54.

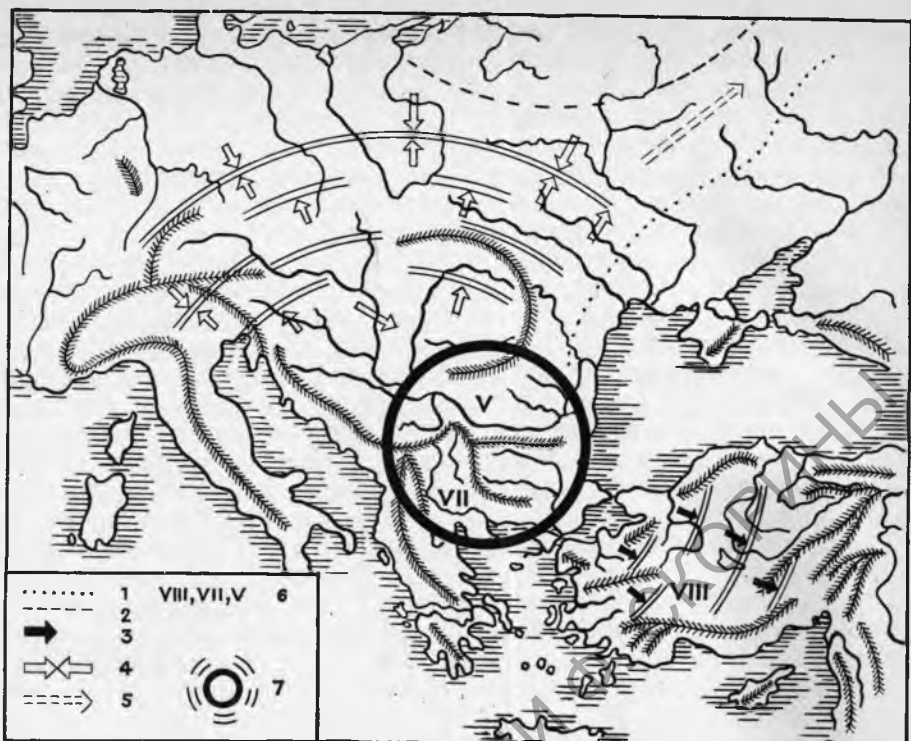

Рис. 1. Карта-схема индоевропейского ареала V—IV тыс. до н. э. 1 — южная граница широколиственной и лесостепной зоны; 2 — южная граница таежной зоны и обитания финно-угорских племен; 3 — движение хетто-лувийских диалектов; 4 — движение племен культуры линейно-ленточной керамики и родственных им и встречные движения племен европейских аборигенов; 5 — предположительное движение носителей прототохарского диалекта; 6 — распространение земледелия и крупного скотоводства (по тысячелетиям до н. э.); 7 — ядро общиндоевропейского ареала в V тыс. до н. э. и его растекание

лошадиный термин у... алтайцев и к нему еще добавлять индоевропейский комплемент $*-k^h$ ($*\text{mor}-k^h-$), откуда германская «кобыла» и русский «мерин»? И если западные индоевропейцы тогда еще «представляли собой слабо расчлененную на отдельные диалекты общность» (М., с. 27) ²⁰, то почему этот термин не попал, скажем, к италикам? Что мы знаем о кетской исторической фонетике, и правомерно ли сравнивать кетское слово XIX в. н. э. с древним индоевропейским? Мне кажется, что как нельзя сравнивать древнекитайскую форму, скажем, с современной французской, минуя латынь и другие древнеиндоевропейские языки, так нельзя сравнивать и последние с кетским, ибо неизвестно, какие фонетические сдвиги произошли в кетском за пять тысяч лет. Особенно потрясает производство древнекитайского $*lak$ «молоко» из... латинского $lac, lactis$. Известно, что латинское $lac < *glak$ — изоглосса с греческим $\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\acute{\xi}$; нас хотят заставить поверить, что, странствуя тысячи лет по Евразии в составе «слабо расчлененной на диалекты» западноевропейской общности, латинский сохранил и эту изоглоссу (и множество других) только с греческим, ушедшим в другую сторону не позже III тыс. до н. э., и различие от всех дру-

²⁰ Ведь авторы относят такие важнейшие особенности ветвей индоевропейской семьи, как, например, специфическую фонетическую систему германского, сатемность балто-славянских и т. п., еще ко времени пребывания на прародине. Значит, эти особенности носители диалектов пронесли по десятитысячекилометровому пути их миграции в неприкосновенности и без взаимных влияний — какая же тут «слабо разделенная на диалекты общность»?

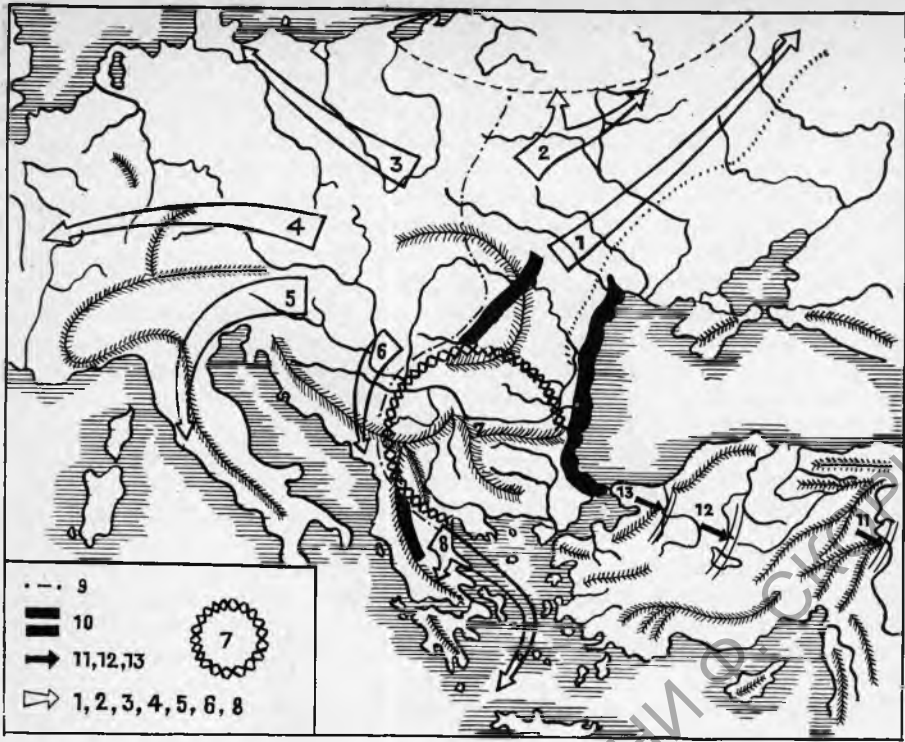

Рис. 2. Карта-схема индоевропейского ареала с III тыс. до н. э.

Движение носителей отдельных праязыков с III тыс. до н. э.: 1 — индо-иранского; 2 — балто-славянского; 3 — германского; 4 — кельтского; 5 — италийского; 6 — иллирийского (?); 7 — зона палеобалканского вторичного оглушения; 8 — движение носителей греческого праязыка; 9 — западная граница сатемизации; 10 — граница ареала восточноиндоевропейских диалектов.

Движение носителей палеобалканских диалектов в Малую Азию. XII—VIII вв. до н. э.: 11 — протоармянского; 12 — фригийского; 13 — восточных диалектов фракийского

гих сопутствовавших индоевропейских диалектов, имевших для «молока» термин *ml-k/g! Ведь историческое соседство греков и италиков на Средиземном море, — по авторам, лишь случайность. Откуда же изоглоссы? А древнекитайское слово, по справке С. Е. Яхонтова, восходит к некоему некитайскому *Grag- (может быть, и *krag-) и означает не «молоко», а «молочный продукт (творог? сыр? масло?), вывозимый от северных варваров»²¹. Боюсь, что и другие китайские и алтайские глоссы требуют проверки, привлечение же кетских вообще недопустимо. Все приводимые авторами примеры спорны, многие допускают совершенно другое генетическое истолкование, иные просто приводят в отчаяние, как этимология для Гильгамеша и Полифема...

В Причерноморье и Заповжье авторы видят «вторичную прародину» европейских диалектов индоевропейской семьи. Эти диалекты, однако, далеко не так близки между собой, как диалекты восточноиндоевропейской группы, которую авторы считают так рано распавшейся. А должно было бы быть наоборот: здесь мы имеем дело с длительным сосуществова-

²¹ Сопоставление лат. *lak с китайским восходит к авторитету Б. Карлгрена в передаче этимологического словаря индоевропейских языков Ю. Покорного. Однако Карлгрэн думал, конечно, о каких-то более общих индоевропейско-синотибетских связях, а не о влиянии латинского на китайский «на проходе» через Сибирь. В другом месте авторы (или другой автор) указывают на возможность возведения лат. *glak- и греч. γάλαξ к общеиндоевропейскому *mlk'/g, что, надо полагать, исключает связь этой глоссы с *Grag-. Впрочем, производство лат. lac и греч. γάλαξ от *mlg связано с фонетическими трудностями, едва ли преодолимыми.

нием (начавшемся задолго до III тыс. до н. э., когда к «европейцам» присоединяются арийцы²², и продолжавшемся еще в эпоху древнейшей культуры, т. е. до начала II тыс. до н. э.). Правда, авторы (М., с. 27) говорят о последовательных волнах миграций от Южной Сибири на запад. Но в каком порядке шли волны, что за изоглоссы образовались в результате, как это все сказалося на образовании окончательных ветвей индоевропейской семьи языков — неизвестно.

Наконец, что же двигало все эти волны миграций? Если древнейшая культура Приволжья и Причерноморья была родиной италиков, кельтов, германцев, балтов, славян, да еще и сако-скифских племен, да еще и какой-то части ариев, то каковы были специфические черты именно этой культуры, которые позволили ей стать центром столь обширного расселения? Конечно, по пословице, один глупец может задать больше вопросов, чем семь мудрецов могут найти ответов. Но я еще задал далеко не все недоуменные вопросы.

Подводя итоги гипотезе Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, приходится признать, что лингвистически она обоснована непрочной, а с исторической точки зрения покоится на рыхлом песке необязательных предположений.

Читатель, пожалуй, спросит: а что же, по-вашему, было на самом деле? Если бы я знал, то я излагал бы собственную теорию, а не критиковал бы чужую. Но раз позволено строить гипотезы, выскажу и свою; обоснована ли она исторически — на данном этапе развития науки могут скорее всего сказать археологи.

Родиной носителей праиндоевропейского языка мне представляется Балкано-Карпатский регион. Доказано, что сельскохозяйственные животные и земледельческие культуры появились в нем в VI—V тыс. до н. э. из Малой Азии. Не исключено поэтому, что Малая Азия (область культуры Чатал-Хюкюк) была и первоначальной родиной здешнего земледельческо-скотоводческого населения. Однако распространение исторических индоевропейских языков шло не из Малой и Передней Азии, а из Балкано-Карпатского региона²³. Эту гипотезу лучше всего иллюстрируют прилагаемые карты-схемы, из которых легко вывести все черты лингвистической истории древних индоевропейцев (см. рис. 1—2).

Ни одна статья в жизни не давалась мне так трудно, как эта. Ведь спор идет с выдающимися, заслуженно почитаемыми учеными, у которых — многие и немалые заслуги перед языкознанием. И на этот раз они проделали огромный труд, во многом проходя по научной целине. Отчего же все их построение приходится оспаривать? Видимо, когда предстоит справиться с такой важнейшей, невероятно трудной задачей, лингвист должен к своей обычной строгости прибавить строгость еще сугубую, а историк, противостоя соблазну умозрений, должен увидеть перед собой живых людей, в конкретных жизненных условиях творивших историю. Тогда отпадет все невозможное и обнаружится единственно возможное.

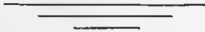
²² Так у авторов (М., с. 30), и это вызывает некоторое недоумение: ведь арийцы у них еще ранее (М., с. 19) ушли с северной окраины Иранского плоскогорья в Индию, а в Среднюю Азию ушли восточные иранцы? Если индоарийцы шли тем же путем, что и восточные иранцы, почему нельзя им приписать формы с сохранением *s-* на месте *h-*, обнаруживаемые в числе заимствований в финно-угорские? Авторы, по-видимому, базируются на исследованиях О. Д. Трубачева, ведущего, правда, индоарийцев через Причерноморье на восток, а не на запад. Но и выводы самого О. Д. Трубачева в целом весьма узковымы; впрочем, здесь не место их разбирать.

²³ При таком предположении наличие специфической только для западных диалектов индоевропейской лексики можно объяснить постоянными контактами индоевропейской западной периферии с аборигенами Европы. Археологически регистрируются многократные интрузии с запада в область «линейно-лепточной» и других «дунайских» культур от неолита и вплоть до эпохи бронзы.

ON THE ORIGINAL HOME OF THE SPEAKERS
OF INDO-EUROPEAN. II

I. M. Diakonoff

Part 3 (*The original home and the migrations*) points out that the hypothesis of Gamkrelidze T. V. and Ivanov V. V. does not account for the economic and geographical reasons for the alleged migrations from the Near East, does not explain their character, and ignores the relations which must have arisen with the local populations en route; that the supposed routes are too long, and contradict the anthropological data; and that the linguistic arguments supporting the routes envisaged by G. and I. are both weak and inconsistent. The author submits that the spread of the I.-E. languages (probably from the Balkano-Carpathian region) was not due to migrations en masse but to a gradual diffusion of the languages through comparatively minor groups of speakers to neighbouring populations. The reason for such diffusion may have been a temporary overpopulation in the central area; it was a period when the level of mortality there, because of a concurrence of a number of ecologically and economically favourable circumstances, would probably be lower than was usual in the Neolithic and Early Bronze world.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ